

УДК 101.3

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-36-49

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ОБЫДЕННЫХ И НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ КАК ПРОДУКТ «ВИКИЗАЦИИ ЗНАНИЯ»

Сегал А.Л.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Представленная статья является первой в цикле, посвящённом основным проблемным точкам формирования «моделей потребного будущего». Очевидно, что в основание таких моделей заложено различное отношение к прошлому, в том числе и разные трактовки понятия «золотой век». Поэтому мы и начинаем с проблемного поля вокруг этого понятия. Кроме того, мы стремимся выделить аспект формирования современных представлений о *золотом веке*, связанный с влиянием процесса «викизации знания». В этом процессе информация создаётся разнородными усилиями авторов, собравшихся случайным образом для участия в создании текста (гипертекста). При этом практически по любой выбранной теме большинство текстов каждый раз составляют авторы, не являющиеся специалистами в этой теме. Примером такого сотворчества является *Википедия* и ряд подобных сетевых проектов.

Ключевые слова: золотой век, прогнозирование, будущее, вики-знание, коммуникации, обыденное сознание.

THE PROBLEM FIELD OF COMMON AND SCIENTIFIC REPRESENTATIONS OF THE GOLDEN AGE AS A PRODUCT OF «KNOWLEDGE WIKIZATION»

A. Segal

*Lomonosov Moscow State University
1, Lenin Hills Street, 119991, Moscow, Russian Federation*

Abstract. The article is seen by the author as the first in a series devoted to the main problematic points of forming «models of the required future». It is obvious that these models are based on different attitude toward the past, including different interpretations of the concept of the «Golden age». That's why we start with the problem of field around this concept. In addition, we aim at highlighting the aspect of the formation of modern ideas about the Golden age, concerning the influence of the process of «knowledge wikization». In this process the information is generated by heterogeneous efforts of authors, gathered randomly to participate in the creation of a text (hypertext). Besides almost any chosen subject is developed by non-expert authors. An example of such collaboration is Wikipedia and a number of similar network projects.

Key words: the Golden age, forecasting, future, wiki-knowledge, communication, everyday consciousness.

О *золотом веке* пишут давно и много – и, тем не менее, интерес к теме не угасает. Более того, каждый раз открываются новые обстоятельства, настойчиво к ней подталкивающие. Наше время – не исключение.

Первое из обстоятельств, определяющих сегодняшний интерес к *золотому веку* в частности и к утопиям вообще – общественные настроения, сильно изменившиеся в кризис. Как ни странно, именно в кризисные периоды, – когда, вроде бы, следует забыть всё «праздное» и руководствоваться исключительно резонами выживания, – обостряется интерес к будущему, к поиску *идеального состояния общества*. Но, по здравом размышлении, интерес этот вполне объясним. Ведь именно кризисные периоды заостряют вопрос: «Что делать дальше?». Вот и сейчас вопросы проектирования и прогнозирования будущего состояния общества – как в научно-техническом, так и в социальном аспекте – поднимаются исследователями и практиками всё чаще и всё острее.

Теми же причинами объясняется и всплеск интереса к истории. Почти полвека назад известный советский историк Б.Ф. Поршнев заметил, что возможность видеть историю в целом увеличила бы коэффициент прогнозируемости [15, с. 26]. «Историческая наука, вольно или невольно, ищет путей стать наукой о будущем», – писал он, формулируя исследовательское правило: «Если ты хочешь понять что-либо, узнай, как оно возникло» [15, с. 26].

Второе обстоятельство заключается в том, что даже в сложное для гуманитарных наук время продолжал расти массив материалов, посвящённых идее Золотого века – и в литературе, и

в истории, и в философии. Достаточно вспомнить переводы античных источников, выполненные А.А. Россиусом (1992) и К.А. Богдановым (2000), исследования Ю.Г. Чернышова (1994), на которые мы далее ссылаемся.

Третье (к слову, значительно усложняющее конфигурацию исследования) **обстоятельство** имеет практически-политический характер: любая попытка построения стратегии или хотя бы принятия программных деклараций требует обращения к неким *образцам*, локализованным во времени (в прошлом, настоящем или будущем).

Однако, несмотря на интерес (а возможно, и вследствие него), при обращении к названной теме возникают и некоторые **затруднения, формирующие актуальное проблемное поле**.

Во-первых, как давно заметил Б.Ф. Поршнев, *историческая шкала «нелинейна»* [15, с. 27–28]. Она больше походит на логарифмическую шкалу, в которой на каждом последующем отрезке «плотность значений» возрастает. Иными словами, *история ускоряется*. Отсюда несоответствие масштаба «линейных», экстраполирующих взглядов в будущее и прошлое. Исторические аналогии, оставаясь основным профанным методом прогнозирования, становятся всё менее функциональными. Однако они поразительно живучи и обладают способностью просачиваться даже в «серьёзные» документы.

Во-вторых, профанное отношение к прошлому формируется огромным пластом художественной литературы, а также другими видами искусства, важнейшим из которых до сих пор является кино. И здесь проблема прошлого и будущего чаще всего ставит-

ся с помощью так называемых условных конструкций с контрфактивным сослагательным наклонением: «Что было бы, если бы?». Это один из любимых ходов обыденного, непосредственного восприятия¹, причём не только в художественной литературе, но даже и в серьёзных исследованиях. Так, например, в исторической науке уже давно идут дискуссии даже не о принципиальной применимости (с этим уже согласились), а о границах и степени допустимости так называемого контрфактического моделирования «исторических процессов, которые не произошли, но могли произойти» [3, с. 5; 2].

Кроме того, **в-третьих**, накоплен и активно функционирует массив текстов, использующих сочетания «золотой (серебряный) век» отнюдь не в первоначальном контексте. Его основу составляют искусствоведческие и литературоведческие материалы, оперирующие метафорическим значением выражения: Золотой век не как оптимальное состояние *человечества*, а как период наивысшего развития какой-либо сферы человеческой деятельности – литературы, музыки, театра. Обозначаемые таким образом периоды гораздо ближе к нам во времени и понятнее, нежели утопии Просвещения, а тем более античности. Но при таком обозначении исходное понятие снижается в объёме, дрейфуя от родового к видовому.

В-четвёртых, вместе со всеми позитивными сторонами информационной открытости мы приобрели определённую информационную зави-

¹ Обыденное сознание – это, в том числе, и не отрефлексированное непосредственное восприятие.

симость от корпуса текстов западных исследователей. Ссылки на них стали своего рода философской модой, а достижения отечественных учёных и школ, напротив, отошли в тень. В результате даже в серьёзных источниках можно наблюдать добровольную и необоснованную уступку приоритетов зарубежным авторам.

И, наконец, **в-пятых**, исследователи давно с беспокойством замечают, что «из-за незнания современного исследовательского ландшафта серьёзные научные работы размещаются «на равных» с явно маргинальными, а зачастую и псевдонаучными текстами, что создаёт характерную для ситуации медиатизации иллюзию “равенства мнений”» [17, с. 100]. В результате научная информация просто подавляется преобладающей массой сведений из «open source», «визикнианием», участие в конструировании которого «принимают, особенно в российском сегменте, не только и не столько профессионалы» [17, с. 100].

Данная статья мыслится автором как первая в цикле статей об основных проблемных точках формирования «моделей потребного будущего». Очевидно, что в основании таких моделей лежит различное отношение к прошлому, в том числе и по-разному трактуемое понятие «Золотой век». Поэтому мы и начинаем с проблемного поля вокруг этого понятия. Кроме того, мы стремимся здесь выделить аспект формирования современных представлений о Золотом веке, связанный с влиянием процесса «визикации знания». Этот процесс понимается как формирование «коллективной среды изменения... информационно-контента в реальном времени» [4,

с. 216]. Иными словами, в этом процессе некая информация создаётся различными усилиями участников, каждый из которых «становится автором только по праву случайного, уникального соприкосновения с окружающей реальностью, которая в реальном времени становится актуальностью» [4, с. 217]. Примером такого сотворчества является *Википедия* и ряд подобных сетевых проектов.

Золотой век – предыстория понятия

Авторство термина «золотой век» принято приписывать Гесиоду («Труды и дни»). Действительно, там он призывает своего расточительного брата к трудолюбию и приводит назидательную историю прошлых поколений (ст. 109–129).

«Создали прежде всего поколение людей золотое

Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских...» [9]

Но специалисты – историки и филологи – всегда подчёркивают два важных момента. Во-первых, Гесиод говорит именно о «золотом поколении», а точнее – *золотом роде* (γένος χρύσειον), который, умерев, сменился *серебряным, бронзовым, героическим* и, наконец, современным автору *железным родом*¹. Во-вторых, эта «родовая» мифологема воспроизводилась на протяжении семи столетий, прежде чем смениться «хронологической» – о золотом веке.

За подробностями отошлём читателя к исследованию Ю.Г. Чернышова

¹ Следует отметить, что различие между *поколением* и *родом* существенно. Смена одного поколения другим – это от века данный порядок вещей, и происходит она в рамках одного рода. А смена одного рода другим – это трагедия: захват территории и разрушение полиса.

[21], на которое мы в этой части в значительной мере опираемся. Этот автор вполне обоснованно отмечает, что представления о «золотом роде» и «Сатурновом царстве» отражают специфику античного *полиса*. Известно, что полис (муниципия) – это не город, не государство и не «город-государство», а территориальная *община* особого типа, то есть *трансформировавшиеся* первобытный род или *родовая община* [10]. Полис существовал и был тождествен себе постольку, поскольку сохранял структуру взаимоотношений родов, его составляющих. Любое изменение *status quo* было изменением родовых, *природных*, данных от века отношений и рассматривалось исключительно негативно. Соответственно, возвращение к *Сатурнову царству* мыслилось как возвращение к *исходному роду*, – иными словами, замена одной общины другой с уходом, *вымиранием* первой. К слову, картина идеального государства Платона тоже предполагает *физический* конец, вполне естественный для того времени. Ведь «золотой род» – носитель идеального порядка – может и должен *уйти* в небытие одним из способов: либо уступив менее совершенным родам своё место в общинном его понимании – *locus standi*, землю, от которой *при жизни* род неотделим, – либо уйти вместе с ней, как в Атлантиде².

С течением времени ситуация в античном мире значительно изменилась. К середине II в. до н. э. ряд восстаний (Грачки, Аристоник, Спартак) обо-

² В этом смысле вызывает лишь недоумение тот пыл, с которым «атлантология» разыскивает свой виртуальный объект, не желая признавать его утопией, а не утопленным реальным островом.

стрил обстановку и привёл к стихийному «накоплению и кристаллизации эсхатологических и сотериологических идей» [21, с. 55]. Наиболее интересной была идея «государства Солнца», выдвинутая в ходе восстания в Пергаме под предводительством Аристоника. Между тем Ю.Г. Чернышов считает, что она не тождественна идее грядущего «Золотого века»: «<...> Утопические надежды масс строились здесь именно на восточных религиозно-эсхатологических идеях, первоначально никак не связанных с греческими и римскими мифами об оставшемся в прошлом «золотом роде»<...> Пожалуй, здесь можно говорить лишь о наметившейся тенденции сближения этих направлений..., которая будет приобретать всё большее значение в последующие десятилетия» [21, с. 60].

Идеи и настроения, копившиеся вплоть до Митридатых войн (89–85 гг. до н. э.), стали бурно проявляться в ходе начавшихся *гражданских войн*. Римляне, напуганные внутренними конфликтами и опасностью нашествия варваров (в особенности парфян), были готовы бежать из гибнущего Рима, тем более что расширение республики сделало возможным, необходимым и почти привычным перемещение значительных масс людей, товаров и иных материальных объектов. Римский гражданин уже не видел катастрофу в том, чтобы оторваться от родовой территории, и, не дожидаясь прихода себе на смену «лучших родов», самому отправиться к воспетым ещё Гомером «островам блаженных». Первая *реальная попытка* их поиска была предпринята в 81 г. до н. э. Квинтом Серторием. Несмотря на её провал (Серторий был втянут в оче-

редную войну колоний с Римом и погиб), разнообразные «географические» утопии стали множиться и в Риме, и в колониях [12]. Таким образом, написанный через сорок лет XVI эпод Горация [6, с. 626–627] явился своего рода итогом исканий. В нём Гораций сетует, что уже второе поколение римлян уничтожается в распрах, и при нынешней власти Рим будет захвачен врагом. Поэтому лучшим и смелейшим из римлян следует покинуть город и, не помышляя о возвращении, отправиться на те блаженные острова, которые Юпитер сохранял для «благочестивого рода» (*pieae genti*), специально их «отдалив» (*secrevit*) ещё с тех пор, когда «испортил бронзой золотое время (*tempus aureum*)». Как видим, у Горация миф о смене родов и легенды об «островах блаженных» уживаются «с совершенно новым, нигде прежде не встречающимся, словосочетанием “золотое время” (*tempus aureum*), вплотную приблизившим его к понятию “золотой век”» [21, с. 82]. *Золотое время* может наступить для любого поколения, но не в Риме, где идёт война между триумвирами, победившими республиканцев. В отличие от Горация, Вергилий, вдохновлённый Брундизийским миром, в знаменитой IV эклоге «Буколик» [6, с. 71–72] говорит о наступлении Сатурнова царства *езде*, – но всё-таки путём *смены* железного рода золотым.

Итак, два великих античных поэта практически одновременно предлагают разные утопические выходы из мрачной эпохи гражданских войн. И, следует отметить, предложение Горация гораздо ближе к идее Золотого века – вот только самой идеи ещё нет. И лишь по прошествии десятилетия

Вергилий приступит к написанию «Энеиды» (между 29 и 19 г. до н. э.), где эта идея и будет сформулирована в 794 строке VI книги [6, с. 279].

Петля времени

Обращаясь к источникам, следует, однако, обратить внимание на любопытный феномен «воздействия на прошлое», в немалой мере усиленный современным сетевым пространством. Более позднее по времени, как мы видим, понятие *Золотого (Серебряного) века* настолько укоренилось в мировоззрении современного человека – в значительной мере благодаря викизации корпуса переводов античных источников, – что стало оказывать своего рода *обратное воздействие* на новых переводчиков довергилиевских текстов.

Так, в переводе «Явлений» Арата Солийского (275 г. до н. э.), по версии К.А. Богданова (2000), «*γένος χρύσειον*» [1, с. 147] (буквально – «род золотой», ст. 114) переводится как «поколение золотое» [1, с. 61], а «*ἀργυρεον γένος*» (*серебряный род*) в стихе 117 – как «серебряный век». В несколько более раннем переводе (1992), сделанном А.А. Россиусом [13, с. 29], «*γένος χρύσειον*» (ст. 114) представлен как «золотое племя», а «*ἀργυρεον γένος*» из стиха 117 – тоже как «серебряный век». Во множестве словарей можем найти то же самое: со ссылками на Гесиода *ἀργυρεον γένος* представлен как «серебряный век», а *χρύσειον γένος ἀνθρώπων* – как «золотой век человечества».

Похожие процессы происходят с переводами XVI эпода Горация и IV эклоги Вергилия. Так, несмотря на то, что в тексте IV эклоги говорится о

«*gens aurea*» (*роде златом*), современный переводчик Алексей Шерин предлагает такой вариант:

Ты же рожденью младенца, что с веком железным покончит,

И возвестит всему миру века приход золотого,

Радуйся ныне, Луцина... [7].

А уже *tempus aureum* (*золотое время*) в XVI эпосе Горация однозначно переводится как «золотой век» [6, с. 627].

Казалось бы, какая разница? Большинство немногочисленных читателей античной классики едва ли обратит внимание на тонкости перевода. Однако те, кто решит *разобраться* в истоках отношения к прошлому и будущему и в становлении современных концепций исторического времени, рискуют попасть в своеобразную «петлю времени» – как в знаменитом рассказе Рэя Бредбери «И грянул гром». Там охотник из будущего наступил в далёком прошлом на бабочку – и искал время, из которого прибыл. В нашем же случае в античную картину прошлого, где пока есть только «*золотое поколение*», вторгаются, словно охотники на динозавров, современные *гиперссылки* на более поздний термин «*Золотой век*», – и существенным образом искажают картину для следующих поколений не только переводчиков, но и исследователей.

Мы также уже отмечали, что в среде исследователей и популяризаторов науки существует мощная тяга к «состариванию» темы и / или предмета исследования, но «опрокидывать» в прошлое современные представления следует очень осторожно [19, с. 5]. Неоправданное отодвигание представлений о золотом веке в доисторическое

прошлое делает их «архетипичными», а рассмотрение становления, *исторических* границ и корней – ненужным. Как следствие, труднообъяснимыми оказываются и становление христианской эсхатологии, и циклично-линейная модель исторического времени.

Продолжение истории – «Добрый дикарь»

Пример «состаривания» темы явил миру весьма популярный ныне Мирча Элиаде. «Воспоминания о Золотом Веке преследовали античность со времён Гесиода» [22, с. 42], – писал он ещё в 1959 году, и это выглядит по меньшей мере странно, учитывая лингвистическое многознание Элиаде и его репутацию «мэтра» и «несомненно, самого крупного историка религий нашей эпохи», как утверждает даже столь суровый его критик, как Александра Ленель-Лавастин [11, с. 525]. Тем не менее, именно из этого элиадовского суждения вырастает его критика «мифа о благородном дикаре» эпохи Просвещения.

Элиаде справедливо замечает, что «добрый дикарь» Руссо (как, впрочем, и «злой дикарь» Гоббса) был спекулятивным конструктом, призванным обосновать теорию «общественного договора»: «Шестнадцатое, семнадцатое и восемнадцатое столетия *создали* (курсив наш. – А.С.) тип «благородного дикаря» как критерий для своих моральных, политических и социальных изысканий» [22, с. 40]. Элиаде показывает, что «неиспорченный дикарь» Просвещения – это «чистое, свободное и счастливое состояние *типичного человека* (курсив наш. – А.С.), окружённого щедрой материнской природой» [22, с. 42]. Иными словами, это абстракция

природной родовой сущности человека, каковой она была и у Руссо, и у Фейербаха, и осталась у значительного числа современных философов.

Может показаться, что в критике абстракций Просвещения Элиаде вплотную подходит к историзму. Но нет. Он ставит перед собой принципиально иные исследовательские задачи (о них чуть ниже), – и поэтому отбрасывает «доброе дикаря» Просвещения не просто в первобытность, что было бы справедливо, а на мифическую границу «плероматического времени» (*illo tempore* – «времён оных»), подчёркивая глобальную всеобщность представлений о *золотом веке*, но миная само *становление* понятия, – и сразу переходит к *психологическому* обобщению.

И публика, настроенная на доверие к авторитету, влечётся по указанному пути – но оказывается в тупике архаики и юнговского психологизма, не объясняющих, а лишь декларирующих, что «бессознательное западного человека не оставило древнюю мечту – отыскать современника, всё ещё живущего в земном раю» [22, с. 44]. В чём смысл мечты? Прильнуть к вечному, вневременному. Только это даст возможность, по Элиаде, уйти от «ужаса перед историей» [23, с. 215] и «обнаружить смысл и трансисторическое оправдание исторических событий» [23, с. 224]. Однако, непонятно, что вызывает у дикаря ужас, если исторические события – это «события, не имеющие типичного характера, факты, которые просто произошли и для него (<дикаря>. – А.С.) не представляют интереса» [22, с. 46].

Ещё одна проблемная точка, в которой преисполненная викизнанием

«широкая публика» отдаёт приоритет Мирче Элиаде – это трактовка земледелия как «точки перехода» к представлениям о золотом веке. Впрочем, пиетет к работам М. Элиаде свойствен не только «широкой публике», но и ряду исследователей с учёными степенями. «Мирча Элиаде установил (курсив наш. – А.С.), что во многих культурах и религиях существует миф о далёком прошлом, когда человечество жило в блаженном состоянии в гармонии с окружающим миром, в так называемом Золотом веке, в обществе, в котором <...> достигнуто всеобщее благополучие за счёт воцарения полной справедливости, свободы и равенств», – пишет доктор философских наук, профессор из Харькова И.В. Владленова [8]. Отменив рощерком пера достижения античности, Возрождения и Просвещения, она продолжает ещё более категорично: «Мирча Элиаде считает, что мифологема золотого века («потерянного рая») восходит ко временам неолитической революции и является реакцией на введение земледелия. Этот архетипический образ лежит в основе любой утопии» [8].

Рассмотрим приведённое утверждение по порядку. Во-первых, в статье «Миф о благородном дикаре, или Престиж начала» [22, с. 40–59], на которую ссылается проф. Владленова, Элиаде ничего подобного не говорит, а во-вторых, вторая часть цитаты из статьи профессора представляет собой заимствование из *Википедии* (статья «Золотой век»). Можно было бы посмеяться над таким казусом, однако он лишний раз показывает, что «основной проблемой Wiki-среды является преодоление хаоса гипертекста...» [4, с. 217].

И, наконец, в-третьих, связь представлений о «золотом поколении» (золотом веке, «островах блаженных») с процессом развития земледелия была выявлена как минимум на 13 лет раньше, чем написана цитируемая здесь статья Элиаде. Речь идёт о вышедшей в 1946 г. книге «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Проппа [16]. Но почему-то «коллоборативная среда» не связывает этого автора с рассматриваемой темой. Может быть, как раз по причине «случайного, уникального соприкосновения с окружающей реальностью»?

А ведь именно В.Я. Пропп на великопном историко-этнографическом материале предшественников и современников дал структурированную и исторически определённую картину верований и мифов, не прибегая при этом к спекулятивному *illo tempore*. Он показал, что представление о золотом веке исторически и логически представляет собою результат расщепления синкретического первобытного представления о загробном мире («ином царстве» «другом мире», «том свете»). Люди переносят в тот мир не только общественную форму, но и формы хозяйства, ландшафт и климат своего мира. Жители побережья представляют его на отдалённых островах, жители предгорий – на самой высокой горе.

«Эта проекция мира на тот свет уже совершенно ясна в родовом обществе» [16, с. 288], – пишет Пропп. «Уже в “долинах охоты” ранних форм родового строя мы наблюдаем, что царство здешнее и нездешнее весьма похожи друг на друга; но есть и разница: в ином мире никогда не прекращается обилие дичи» [16, с. 290], а оружие

охотника (можно дополнить) не знает промаха. Более того, волшебные силы или предметы можно перенести в наш мир и добиться гарантированной удачи *здесь*. Другими словами, переход в страну обилия и обратно представлялся более простым и виделся как своего рода «портал», воспользоваться которым, при определённой доле сноровки и везения, можно в обе стороны. Ни о каком «изгнании из рая» речи не было, напротив, *туда* попадает всякий («все там будем») – и каждый занимается своим привычным делом. Яркий пример таких представлений – скандинавско-германские Вальхалла и Фольквангр.

Тот свет видится как страна изобилия, как улучшенный вариант *этого*. Но при этом попадающие туда не перестают трудиться, благо труд воина и охотника близки и органично связаны. Но сама картина *того* света заметно меняется с изменением *этого*. В.Я. Пропп подчёркивает, что «позднее на том свете перестают производить и работать, там только потребляют, и волшебные средства, приносимые оттуда, обеспечивают вечное потребление» [16, с. 291]. Он однозначно увязывает изменение представлений о загробном мире с изменением *отношения к труду*. «... Труд становится подневольным. Подневольность труда связана с появлением собственности, собственность появляется с земледелием» [16, с. 291]. Ещё раз отметим, что этот методологически фундаментальный принцип сформулирован в работе, вышедшей в 1947 г.

Анализируя время появления новых, *потребительских* представлений, В.Я. Пропп обращает внимание на раннее происхождение мотива молоч-

ных рек и кисельных берегов и слегка сетует, что И. Больте и Г. Поливка нашли древнейшие параллели с этим мотивом лишь в античности. Однако обращение именно к античности имеет весьма существенные резоны: именно тогда начала складываться частная собственность на землю.

«Мать черная, земля многострадальная...» (Солон)

В начале статьи мы уже обратили внимание на специфику античного полиса (муниципии) как особого типа *территориальной общины*, и на его *связь с землей*, доходящую до полного отождествления с ней. Однако трансформация первобытного рода (родовой общины) здесь существенна, и многие родовые (общинные) институты уже подверглись разложению: появляются *сословия и частное владение землёй* – на первых порах скромно сосуществующее с общинным. В раннем античном обществе сословия «природны», «деление по степени свободы, степени гражданства есть по сути своей деление по степени отношения к общине как естественно возникшему коллективу» [5, с. 252], но уже реформа Солона разделила афинян на четыре разряда по имущественному положению, причём *независимо от происхождения*. И уже *имущественное положение* определяло «степень гражданства»: чем к более высокому разряду принадлежал афинянин, тем в большей степени гражданином он был. Однако изменения в сторону частной собственности шли медленно. Через 200 лет после Солона Платон называл землю «богиней-владычицей смертных созданий» и писал, что «каждый получивший по жребью надел должен считать свой надел общей собственностью го-

сударства» [14, с. 740]. Иными словами, в течение двух веков отношение к земле практически не изменилось, она оставалась стержнем полиса и «субстанцией политики». И собственность на землю была частной собственностью «в «растворе» естественных, природных отношений» [5, с. 233].

Существенным образом ситуация поменялась к середине II в. до н. э. Институт собственности на землю к тому времени достаточно созрел. Именно борьба за власть и за землю стала главной причиной (и основным следствием) социальных противоречий и гражданских войн. Принадлежность к автохтонному роду перестала быть гарантией владения землёй: люди изгонялись с земли, род окончательно распался. Напомним, что Гораций, воевавший на стороне республиканцев, после их поражений при Филиппах в 42 г. до н. э. лишился отцовского дома и земли, а после амнистии 41 г. до н. э. жил в Риме в «дерзкой бедности», – пока в 39 г. до н. э. не был представлен Вергилием и Варием Меценату. Да и сам Вергилий, по свидетельству Светония, «обратился к «Буколикам», желая, главным образом, прославить Азиния Поллиона, Альфена Вара и Корнелия Галла, которые спасли его от разорения, когда после битвы при Филиппах<...> производился раздел полей за Падом между ветеранами. Затем он сочинил «Георгики» в честь Мецената, за то, что тот<...> помог ему защититься от насилий одного ветерана, который чуть не убил его, сражаясь за поле» [18, с. 235].

Именно отчуждение от земли перерезало «природную пуповину» и составляло античного человека мыслить не только вне пространства полиса, но

и в историческом времени, превращая рассказ о прошлом «золотом времени» в надежды на настоящее и мечты о будущем. И недаром в XVI эподе и IV эклоге, предлагающих разные выходы из эпохи гражданских войн, столь разительно совпадает само описание золотого века: «Это и козы, сами несущие домой молоко, и мёд, текущий из дубов, и “добровольное” плодородие земли, и отсутствие хищных зверей и змей» [21, с. 84].

Другими словами, «рассказ о начале» становится рассказом о продолжении. *Золотой век*, рассмотренный в реальной истории его становления, никак не ложится в элиадовскую концепцию «психотерапии дикаря», поскольку возникает явно в исторически более позднюю эпоху. Или же то «время оно», к которому, по Элиаде, обращается дикарь, представляет собой не золотой век, а нечто иное.

В заключение суммируем основные выводы.

Научный текст сложен и сух. Напротив, мистически поданные глубины психики завораживают и притягивают своей загадочностью, – и при этом воспринимаются на непосредственно-эмоциональном уровне, поэтому содержащие их тексты в большей степени цитируемы и обеспечены гиперссылками. И человек, пожелавший самостоятельно разобраться в содержании, казалось бы, весьма несложного и общеизвестного термина, рискует прийти по гиперссылкам Всемирной паутины именно туда, к плероматическому времени, к «хаосу гипертекста», дабы прильнуть к нему и... сотворить очередную гиперссылку.

История *золотого века* в такой ситуации неважна, он изначально по-

стулируется как архетипичная «вещь в себе», всегда присутствующая в сознании **отдельного** человека и манящая его. Племенные верования в этом случае – всего лишь простая сумма индивидуальных ощущений. Золотой век предстаёт мечтой изолированного индивида, от начала веков мечтающего не работать, а потреблять. Дикарь оказывается перенесённым в прошлое представителем современного «среднего класса». Естественно, что страх перед историей его обуревают сразу: современный человек принимает к началу – лишь бы не видеть жёсткого хода колёса истории.

Видимо, «коллаборативная среда» ещё весьма далека от совершенства, коль скоро предпочитает такую картину. Она хаотична и неререфлексивна. А ведь релевантность информации пря-

мо связана с реальной оценкой «коммуникатором» границ собственного знания – а значит, и границ целеполагания, субъектности. «В чуждых сферах он остаётся профаном, но часто не осознаёт собственной профанности и её причин...» [20, с. 245] – что, добавим, равноценно потере субъектности. «Не теряет её лишь тот, кто осознал границы своей субъектности как сферу субъектности других, с которыми он соотносит себя<...> как субъекта общей деятельности» [20, с. 245]. По нашему мнению, «community-centric» / сообщество-центристский, сообщество-ориентированный подход [4, с. 218] будет работать там и тогда, где и когда действую будет предпослана артикуляция общих реальных *целей*, а не интуитивные индивидуальные догадки или манипулятивный краудсорсинг.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арат. Явления / Пер. с древнегреч., вступ. ст., коммент.: К.А. Богданов. СПб.: Алетейя, 2000. 252 с.
2. Бочаров А.В. Историографические и методологические аспекты использования понятия «случайность» в изучении исторических альтернатив // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 297. С. 111–121.
3. Бочаров А.В. Возможности и ограничения контрфактической истории // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. № 3. С. 5–30.
4. Брахман Г.А. Wiki-онтологизация: мегатренды прогрессивного медиаобразования. // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации. Том 24 (63). 2011. № 4. Часть 1. С. 389–395.
5. Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М.: Изд-во Московского университета, 1988. 328 с.
6. Вергилий, Публий Марон. Буколики; Георгики; Энеида / Вергилий. Оды; Эподы; Сатиры; Послания; Наука поэзии: [пер. с лат.] / Гораций, Квинт Флакк. М.: АСТ, 2009. 908 с.
7. Вергилий, Публий Марон. Буколики [Электронный ресурс] // Журнал Самиздат. URL: http://samlib.ru/a/aleksej_s_n/verg_ec4.shtml (дата обращения: 13.03.2016).
8. Владленова И.В. Техногенная цивилизация: философские подходы к проблеме техники // Вісник НТУ «ХП». 2014. № 37 (1080). С. 58–66.
9. Гесиод. Труды и дни. Перевод В.В. Вересаева / Гесиод. Теогония. Труды и дни. Щит Геракла. М.: Лабиринт, 2001. 256 с.
10. Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979. 295 с.

11. Ленель-Лавастин А. Забытый фашизм: Ионеско, Элиаде, Чоран / Пер. с франц. Е.П. Островской. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 528 с.
12. Маяк И.Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М.: МГУ, 1983. 278 с.
13. Небо, наука, поэзия [переводы с древнегреческого; филологические и историко-научные комментарии, указатели] М.: Изд-во Московского университета, 1992. 208 с.
14. Платон. Законы / Пер. с древнегреч. А.Н. Егунова и др. М.: Мысль, 1999. 830 с.
15. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии): монография. М.: Мысль, 1974. 487 с.
16. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 361 с.
17. Реут О.Ч. Политологическое знание в российском сегменте интернета: проблемы поиска публичного языка / Вестник Пермского университета. Политология. № 2. 2012. С. 94–106.
18. Светоний, Гай Транквилл. О знаменитых людях. (De viris illustribus). Фрагменты. Из книги «О поэтах». Вергилий / Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1993. 368 с.
19. Сегал А.П. Генезис и структура обыденного сознания: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Сегал Александр Петрович. М., 2014. 183 с.
20. Сегал А.П. Коллаборация и обыденное сознание // Философия в современном мире: диалог мировоззрений. Материалы VI Российского философского конгресса (Новгород, 27–30 июня 2012 г.). В 3 томах. Т. I. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2012. 565 с.
21. Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме: В 2 ч. Ч. I: До установления принципата. Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1994. 176 с.
22. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии / Пер. с англ. М.: REFL-book, К.: Ваклер, 1996. 288 с.
23. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость / пер. с французского Е. Морозовой и Е. Мурашкинцевой. СПб.: Алетея, 1998. 249 с.

REFERENCES:

1. Arat. Yavleniya [Phenomena] / Ed. with ancient Greek., introd. art., comments.: K.A. Bogdanov. SPb., Aleteiya, 2000. 252 p.
2. Bocharov A.V. Istoriograficheskie i metodologicheskie aspekty ispol'zovaniya ponyatiya "sluchainost" v izuchenii istoricheskikh al'ternativ [Historiographical and Methodological Aspects of the Use of the Term "Accident" in the Study of Historical Alternatives] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. No 297. Pp. 111–121.
3. Bocharov A.V. Vozmozhnosti i ogranicheniya kontrfakticheskoi istorii [Opportunities and Limitations of Counterfactual History] // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2008. T. 9. No 3. Pp. 5–30.
4. Brakhman G.A. Wiki-ontologizatsiya: megatrendy progressivnogo mediaobrazovaniya [Wiki-ontology: Megatrends of Progressive Media Education] // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii". Tom 24 (63). 2011. No 4. Part 1. Pp. 389–395.
5. Vazyulin V.A. Logika istorii. Voprosy teorii i metodologii [The Logic of History. Issues of Theory and Methodology]. М., Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1988. 328 p.
6. Vergilii, Publii Maron. Bukoliki; Georgiki; Eneida / Vergilii. Ody; Epody; Satiry; Poslaniya; Nauka poezii: [per. s lat.] / Goratsii, Kvint Flakk [Virgil, Publius Maron. Bucolics; Georgica; Aeneid / Virgil. Odes; Epodi; Satires; Epistles; the Science of Poetry: [transl. from the Latin.] / Horace, Quintus Flaccus]. М., AST, 2009. 908 p.

7. Vergilii, Publii Maron. Bukoliki [Virgil, Publius Maron. Bucolics] [Electronic resource] // Zhurnal Samizdat [The Magazine Samizdat.]. URL: http://samlib.ru/a/aleksej_s_n/verg-ec4.shtml (request date: 13.03.2016).
8. Vladlenova I.V. Tekhnogennaya tsivilizatsiya: filosofskie podkhody k probleme tekhniki [Technological Civilization: Philosophical Approaches to the Problem of Technology] // Visnik NTU «KHPI». 2014. No 37 (1080). Pp. 58–66.
9. Gesiod. Trudy i dni. Perevod V.V. Veresaeva / Gesiod. Teogoniya. Trudy i dni. Shchit Gerakla [Hesiod. The Works and Days. Translated by V.V. Veresaeva / Hesiod. Theogony. The works and Days. The Shield of Heracles]. M., Labirint, 2001. 256 p.
10. Koshelenko G.A. Grecheskii polis na ellinisticheskom Vostoke [The Greek Polis in the Hellenistic East]. M., Nauka, 1979. 295 p.
11. Lenel'-Lavastin A. Zabytyi fashizm: Ionesko, Eliade, Choran / Per. s frants. E.P. Ostrovskoi [Forgotten Fascism: Ionesco, Eliade, Cioran / Trans. from Franz. E.P. Ostrovskaya]. M., Progress-Traditsiya, 2007. 528 p.
12. Mayak I.L. Rim pervykh tsarei. Genezis rimskogo polisa [Rome of the First Kings. The Genesis of the Roman Polis]. M., MGU, 1983. 278 p.
13. Nebo, nauka, poeziya [perevody s drevnegrecheskogo; filologicheskie i istoriko-nauchnye kommentarii, ukazateli] [Sky, Science, Poetry [Translation from the Greek; and Philological Historical and Scientific Comments, Pointers]. Moscow: Publishing house of Moscow University, 1992. 208 p.
14. Platon. Zakony / Per. s drevnegrech. A.N. Egunova i dr. [Plato. The Laws / Translated. From the Ancient Greek by A.N. Yegunova et al.]. M., Mysl', 1999. 830 p.
15. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii): monografiya [On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology): the Monograph]. M., Mysl', 1974. 487 p.
16. Propp V.YA. Istoricheskie korni volshebnoi skazki [The Historical Roots of the Magic Tale]. L., Izd-vo LGU, 1986. 361 p.
17. Reut O.CH. Politologicheskoe znanie v rossiiskom segmente interneta: problemy poiska publicnogo yazyka [Political Knowledge in the Russian Segment of the Internet: The Problem of Finding a Public Language] / Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. No 2. 2012. Pp. 94–106.
18. Svetonii, Gai Trankvill. O znamenitykh lyudyakh. (De viris illustribus). Fragmenty. Iz knigi «O poetakh». Vergilii / Gai Svetonii Trankvill. ZHizn' dvenadtsati tsezarei [Suetonius, Gaius Tranquil. On Famous people. (De Viris Illustribus). Fragments. From the book "About the Poets". Virgil / Gaius Suetonius Tranquille. The Twelve Caesars]. M., Nauka, 1993. 368 p.
19. Segal A.P. Genezis i struktura obydenno go soznaniya: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11 / Segal Aleksandr Petrovich [Genesis and Structure Of Ordinary Consciousness: Dis. ... Cand. of philosophy: 09.00.11 / Segal Alexander Petrovich]. M., 2014. 183 p.
20. Segal A.P. Kollaboratsiya i obydennoe soznanie [Collaboration and Everyday Consciousness] // Philosophy in the Modern World: Dialogue of Worldviews. Proceedings of the VI Russian Philosophical Congress (Nizhny Novgorod, 27-30 June 2012). In 3 volumes. T. I. N. Novgorod: Publishing house of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2012. 565 p.
21. Chernyshov Yu.G. Sotsial'no-utopicheskie idei i mif o «zolotom veke» v Drevnem Rime: V 2 ch. CH. 1: Do ustanovleniya printsipata. Izd. 2-e, ispr. i dop. [The Social-Utopian Ideas and the Myth of the "Golden Age" in Ancient Rome: in 2 Parts. Part 1: Before the Establishment of the Principate. Ed. 2-e]. Novosibirsk, Izd-vo Novosibirskogo un-ta, 1994. 176 p.
22. Eliade M. Mify, snovideniya, misterii / Per. s angl. [Myths, Dreams, Mysteries / Trans. from English]. M.: REFL-book, K., Vakler, 1996. 288 p.

23. Eliade M. Mif o vechnom vozvrashchenii. Arkhetipy i povtoryaemost' / per. s frantsuzskogo E. Morozovoi i E. Murashkintsevoi [The Myth Of The Eternal Return. Archetypes And Repetition / Translated from the French by E. Morozova and E. Murashkintseva]. SPb., Aleteiya, 1998. 249 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сегал Александр Петрович – кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры философии языка и коммуникаций философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: segal.alexander@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander Petrovich Segal – PhD in Philosophy, Researcher, Chair of Philosophy of Language and Communication, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: segal.alexander@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Сегал А.П. Проблемное поле обыденных и научных представлений о Золотом веке как продукт «викизации знания» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С. 36-49
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-36-49

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A.P. Segal The Problem Field of Common and Scientific Representations of the Golden Age as a Product of «Knowledge Wikization» // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. № 2. P. 36-49
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-36-49